УДК 811.161.1
5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

А.А. Голубева
Вологодский государственный университет

СРЕДСТВА ДИАЛОГИЗАЦИИ В ТРАКТАТЕ О.Э. МАНДЕЛЬШТАМА «РАЗГОВОР О ДАНТЕ»

Статья посвящена изучению средств диалогизации в тексте литературно-критического эссе О.Э. Мандельштама «Разговор о Данте». Исследование проводится в русле коммуникативно-стилистического подхода к анализу художественного текста.

О.Э. Мандельштам, средства диалогизации, диалогизация речи, коммуникативная стилистика, диалог, коммуникативная природа литературы.

Введение. Поэтика позднего Мандельштама характеризуется сосредоточенностью на осмыслении коммуникативного потенциала художественного текста и особым вниманием к роли и функциям читателя в процессе литературной коммуникации. Эта тенденция нашла отражение как в художественном, так и в литературно-критическом творчестве поэта. В 1930-е гг. актуализатором теоретической рефлексии над вопросами авторско-читательской коммуникации для Мандельштама стал текст «Божественной комедии» Данте. В трактате «Разговор о Данте» поэт представил глубокий филологический анализ поэмы Данте, наблюдения над его поэтикой, а также взгляд на природу поэтического творчества в целом [1; 2; 4; 9; 5; 7; 13; 20]. Сопоставляя в процессе анализа эстетические принципы, выраженные в «Разговоре», и содержание художественных текстов Мандельштама, ученые заметили, что «Разговор» представляет собой теоретическое осмысление художественной практики поэта. Сегодня филологи справедливо считают «Разговор» манифестом поэтики Мандельштама, его «литературным автопортретом» [16, с. 266; 7, с. 289; 6; 8].

Одной из главных установок поэта при написании эссе была борьба с европейской культурной традицией толкования поэтики Данте в духе «скульптурности», а также с мистической и «трагедийной» трактовкой образа Данте и текста «Божественной комедии», разрабатываемой его современниками-символистами. В трактате Мандельштам утверждает, что отношение к Данте и его тексту как к мертвой скульптуре мешает правильному истолкованию смыслов его поэмы. Он считает Данте своим современником и доказывает читателю, что уникальность поэтики великого флорентийца состоит в способности говорить с читателем XX в. как со своим современником – на языке поэтического слова. Мандельштам был убежден в том, что язык поэзии не ограничен ни национально-культурными, ни пространственными, ни временными рамками. В статье 1922 г. «Заметки о Шенье» он приводит оригинальный текст стихотворения А. Шенье «К Камилле» и замечает, что в нем «слышится письмо Татьяны к Онегину» (здесь и далее тексты Мандельштама цитируются по изданию: [10]) и что для русского читателя начала XX в. «сквозь кристалл пушкинских стихов эти стихи звучат почти русскими» [10, т. 2, с. 282]. Родство языков, по мнению Мандельштама, связано с природой поэзии, в которой «...разрушаются грани национального, и стихия одного языка перекликается с другой через головы пространства и времени, ибо все языки связаны братским союзом, утверждающимся на свободе и домашности каждого...» (Там же).

Мандельштам был убежден, что феномен поэтического искусства состоит в том, что оно существует не на материальном носителе, а во вневременном и внеисторическом пространстве культурной памяти, объединяющей автора и читателя. В теоретических статьях поэта неоднократно высказывалась мысль о том, что залогом существования поэтического текста является активная роль читателя, а талант и гениальность поэта во многом определяются его способностью обеспечивать активное «вживание» воспринимающего в художественную ткань произведения. Способность посредством поэтических приемов вовлекать читателя в творческий диалог с автором в процессе восприятия художественного произведения, по мнению Мандельштама, – одна из ключевых черт поэтики Данте. «Разговор о Данте» уникален тем, что поэт в нем одновременно интерпретирует творческие приемы Данте и (в подражание великому флорентийцу) использует их в собственной творческой практике. Исследуя взгляд Мандельштама на взаимодействие субъектов литературной коммуникации, нельзя не принимать во внимание неразрывное единство его теоретического и поэтического мышления.

Объектом исследования является текст литературно-критического эссе О.Э. Мандельштама «Разговор о Данте». Предмет исследования – средства диалогичности.

Цель настоящего исследования – на основе коммуникативно-стилистического подхода к анализу художественного текста выявить в «Разговоре о Данте» средства внешней диалогичности и описать закономерности их функционирования. Задачи исследования: 1) проанализировать приемы и способы пред-

ставления диалогизации в языке художественной прозы в современной лингвистической интерпретации; 2) выявить и описать особенности диалогической художественной коммуникации в эссе О.Э. Мандельштама «Разговор о Данте»; 3) соотнести представления Мандельштама о средствах диалогичности в тексте «Божественной комедии» и особенности их апроприации в «Разговоре о Данте».

Материалом для исследования послужил текст литературно-критического эссе О.Э. Мандельштама «Разговор о Данте» и черновые наброски к «Разговору». В качестве единицы наблюдения избраны текстовые фрагменты, содержащие диалогические языковые формы.

Методы исследования. Методологической основой исследования выступает коммуникативный подход к анализу художественного текста, позволяющий рассматривать текст как сложное диалогическое взаимодействие субъектов литературной коммуникации (автора и читателя). Мысль о коммуникативной природе художественного творчества, базирующаяся на диалогической природе эстетического переживания, в современной филологической науке является аксиомой. А для начала XX в. она была почти новаторской, и Мандельштам начал ее теоретически осмысливать едва ли не первым. В статье «О собеседнике» 1913 г., которая во многом посвящена осмыслению роли читателя в процессе художественной коммуникации, поэт с лаконичностью лозунга заявил: «Нет лирики без диалога» [10, т. 1, с. 187]. Мандельштам настаивал на необходимости выстраивания субъект-субъектных отношений автора и читателя и хотел видеть в адресате своих произведений именно собеседника, со-творца, живого и активного интепретатора. Прежде чем перейти к обсуждению результатов исследования, необходимо отметить, что теоретическим взглядам Мандельштама свойственна константность. В контексте настоящего исследования эта установка имеет важное значение, поскольку размышления поэта о коммуникативной природе литературного творчества и активной роли читателя, впервые зафиксированные в ранних критических статьях периода 1910–1920-х гг., в «Разговоре о Данте» – программном тексте 1930-х гг. – звучат все более отчетливо. Механизм сличения критической прозы Мандельштама раннего и позднего периодов творчества обеспечивает большую выборку фрагментов для анализа и придает большую достоверность выводам исследования.

Диалогичность (диалогизация монолога, прямая адресованность, направленность на читателя) в контексте настоящего исследования понимается как функционально-семантическая категория, которая отражает отношения «автор-повествователь – читатель» и реализуется в тексте при помощи средств различных уровней языка (лексических, морфологических, синтаксических), т.е. через использование вопросно-ответных конструкций, форм второго лица, обращений, императивов и др. Форма речи и перечисленные языковые средства называются диалогическими, поскольку подразумевают наличие адресата и требуют от него ответной реакции. Широта их представленности и частота их употребления в тексте зависят от коммуникативных установок субъекта речи.

В работах ученых, исследующих текст с коммуникативных позиций, предлагается разграничивать термины «диалогизация» и «диалогичность». Диалогичность чаще всего определяется как наличие в тексте явного или скрытого диалога, диалогизация – как процесс превращения монологической речи в диалог посредством специальных приемов. Приведенные определения позволяют заключить, что диалогичность текста выражается с помощью средств диалогизации.

Диалогичность может присутствовать во всех типах дискурса (художественном, институциональном, формальном, бытовом), однако степени и формы ее выражения различны. Открытый диалог является маркером научного и научно-популярного текста, поскольку построение нового знания и опровержение старого невозможно без полемики и дискуссии (сам процесс решения научной проблемы диалогичен по своей природе) [14, с. 86; 11, с. 195]. Трактат «Разговор о Данте» нельзя назвать строго научным или научно-популярным текстом. Аналитический метод Мандельштама отличается оригинальностью, уникальностью, повышенным исследовательским субъективизмом и с трудом встраивается в исследовательские парадигмы, сложившиеся во второй половине XX в., что не противоречит поэтической установке, связанной с формированием активной читательской рецепции, и его ориентации на установление диалогических отношений между автором и адресатом. Заметим, что установка на диалогичность прослеживается и в авторском определении жанра произведения, обозначенном в заглавии: «разговор» приглашает читателя к постижению поэтики Данте в режиме реального времени, «вслед за автором». Поскольку Мандельштам, исследуя поэтику Данте, в качестве основного аналитико-интерпретационного инструмента использует метафору, можно заключить, что в его эссе с точки зрения функциональной стилистики обнаруживаются признаки как научного, так и художественного стиля. Исследования диалогичности художественного дискурса в отечественной филологической науке были начаты еще в первой половине XX в. Их актуальность в наши дни обусловлена сложностью природы текста как целостной коммуникативной единицы, которая является не только лингвистической, но и семиотической категорией, поскольку связана с применением кодов и символьных систем [3, с. 1121].

Результаты исследования. В результате исследования выяснилось, что Мандельштам в «Разговоре о Данте» для реализации категории диалогичности, отражающей отношения «автор-повествователь – читатель», использует широкий спектр языковых средств. Предлагаем таблицу, в которой с опорой на уровневую модель языка систематизированы основные средства диалогизации авторской речи, используемые О.Э. Мандельштамом в «Разговоре о Данте» (табл. 1).

Таблица 1

Средства диалогизации авторской речи в «Разговоре о Данте» О.Э. Мандельштама [10, т. 3]

Синтаксические	
Цитация, косвенная речь, ссылки, сноски, конструкции связи побудительного характера	«Здесь я цитирую Марину Цветаеву, которая обмолвилась “уступчивостью речи русской”...» (с. 239), «Аристотель, как махровая бабочка, окаймлен арабской каймой Аверроеса. “Averrois, che il gran comento feo...” (Inf. IV, 144)…» (с. 220)
Несобственно-прямая речь	«...Вот еще немного потружусь, а потом надо показать тетрадь, облитую слезами бородатого школьника, строжайшей Беатриче, которая сияет не только славой, но и грамотностью…» (с. 254)
Вводные слова, указывающие на источник информации, уверенность/неуверенность в ее истинности	«До нас, разумеется, не дошли Дантовы черновики…» (с. 234), «...Здесь все вывернуто: существительное является целью, а не подлежащим фразы. Предметом науки о Данте станет, как я надеюсь, изучение соподчиненности порыва и текста…» (с. 259)
Отдельное вопросительное предложение, цепочки вопросов, риторические вопросы, альтернативные вопросы, предлагающие слушателю сделать выбор, вопросно-ответные комплексы	«Угодно ли вам познакомиться со словарем итальянских рифм?..» (с. 218), «Не так ли при помощи удлинения вентиля образовалась валторна?..» (с. 223), «Мы – ползающие на коленях перед строчкой стиха, – что сохранили мы от этого богатства? Где восприемники его, где его ревнители? Как быть с нашей поэзией, позорно отстающей от науки?..» (с. 251), «Лаборатория Данта? Нас это не касается. Какое до нее дело невежественному пиетету?..» (с. 234), «Что первее – слушанье или дирижирование? Если дирижирование лишь подталкивание и без того катящейся музыки, то к чему оно, если оркестр и сам по себе хорош, если он безукоризненно сыгрался? Оркестр без дирижера, лелеемый как мечта, принадлежит к тому же разряду “идеалов” всеевропейской пошлости, как всемирный язык эсперанто, символизирующий лингвистическую сыгранность всего человечества…» (с. 244)
Сложные предложения с придаточными условия (подчеркивающие гипотетичность речи)	«Если у вас не закружилась голова от этого чудесного подъема, достойного органных средств Себастьяна Баха, то попробуйте указать, где здесь второй, где здесь первый член сравнения, что с чем сравнивается, где здесь главное и где второстепенное, его поясняющее…» (с. 236), «И если мы с этой точки зрения подойдем к Данту, то окажется, что в предании он видел не столько священную его, ослепляющую сторону, сколько предмет, обыгрываемый при помощи горячего репортажа и страстного экспериментированья…» (с. 240)
Вставные конструкции	(Этим сопоставлением я обязан Шпенглеру.), «…резец только снимает лишнее и черновик скульптора не оставляет материальных следов (что очень нравится публике) – сама стадиальность работы скульптора соответствует серии черновиков…» (с. 234), «“Далековатость” (выражений Ломоносова) и познаваемость для нее почти однозначны…» (с. 237)
Вводные конструкции, эксплицирующие порядок следования авторской мысли	«Таким образом, мы здесь видим ярко-лазурный и розовый крапы в дымчато-серой породе…», «Вникая по мере сил в структуру “Divina Commedia”, я прихожу к выводу, что вся поэма представляет собой одну, единственную, единую и недробимую строфу…» (с. 227), «Итак, сохранность черновика – закон сохранения энергетики произведения…» (с. 235)
Восклицательные конструкции	«Как здесь вытянулся вспомогательный – маленькое обрубленное “fur” вместо “furon”!..» (с. 223)
Морфологические	
Местоименно-глагольные формы 1-го лица ед. и мн. числа	«Давайте вспомним, что Дант Алигьери жил во времена расцвета парусного мореплаванья…» (с. 235); «Если б мы научились слышать Данта, мы бы слышали созревание кларнета и тромбона, мы бы слышали превращение виолы в скрипку и удлинение вентиля валторны…» (с. 221); «Посмотрим, как появилась дирижерская палочка, и мы увидим, что пришла она не поздно…» (с. 244), «Послушаем, как родилась или, вернее, вылупилась из оркестра современная дирижерская палочка…» (Там же), «Нам, иностранцам, трудно проникнуть в последнюю тайну чужеродного стиха…» (с. 239), «Вообразите нечто понятое, схваченное, вырванное из мрака...» (с. 217), «Возьмите весь словарь итальянский и листайте его как хотите...» (с. 218), «Представьте себе монумент из гранита или мрамора…» (с. 226), «Спросите у Брамса – он это знает. Спросите у Данта – он это слышал…» (с. 246), «…вспомните “Лесного царя”…» (с. 247), «Вспомните дивную мольбу, обращенную Виргилием к хитрейшему из греков…» (с. 252)
Противительные и противительно-отрицательные союзы (однако, между тем), отражающие противопоставленность смысловых позиций в тексте	«Однако средневековье не помещалось в системе Птоломея…» (с. 240), «Однако я не случайно упомянул про балладу…» (с. 247), «Между тем современное кино с его метаморфозой ленточного глиста оборачивается злейшей пародией на орудийность поэтической речи, потому что кадры движутся в нем без борьбы и только сменяют друг друга…» (с. 217), «Между тем готовая вещь в такой же мере подчиняется косвенным, как и прямым падежам.…» (с. 234)
Выделительные частицы, акцентирующие внимание на отдельных фрагментах утверждений	«Стихи Данта сформированы и расцвечены именно геологически…» (с. 226), «И как замечательно, что именно эта обмолвка открывает дорогу главному потоку диалога…» (с. 223), «Лишь при помощи метафоры возможно найти конкретный знак для формообразующего инстинкта, которым Дант накапливал и переливал терцины…» (с. 228), «…Дантова “Комедия” годится лишь для разбора механистическими щипчиками, а не для чтения, не для исполнения…» (с. 242)
Модальные слова	«Разумеется, только с большой натяжкой можно назвать развитием эту серию снарядов, конструирующихся на ходу и выпархивающих один из другого во имя сохранения цельности самого движения…» (с. 233), «О чем? Конечно, о Флоренции…» (с. 235), «Я, кажется, забыл сказать, что “Комедия” имела предпосылкой как бы гипнотический сеанс. Это верно, но, пожалуй, слишком громко…» (с. 253)
Лексические	
Оценочные лексемы, оценивающие: а) чужие смысловые позиции; б) сами исследованные факты	«Сейчас я покажу, до чего мало были озабочены свеженькие читатели Данта его так называемой таинственностью…» (с. 230), «И вот читая песни Данта, мы получаем как бы информационные сводки с поля военных действий и по ним превосходно угадываем, как звукоборствует симфония войны…» (с. 221)
Лексика, обозначающая смысловые позиции (точка зрения, понимание, мысль, доводы)	«Тут я понял, что камень как бы дневник погоды, как бы метеорологический сгусток…» (с. 256), «Но мне кажется, что метафора Данта обозначает стояние времени…» (с. 257), «Для того чтобы это понять, надо себе представить, что все геологические изменения и самые сдвиги вполне разложимы на элементы погоды…» (с. 256), «Необходимо показать кусочки дантовских ритмов. Об этом не имеют понятия, а знать это нужно…» (с. 219)
Слово «читатель» в сочетании с глаголами, называющими действия, которые, по предположению автора, совершает адресат	«Отсутствие у меня сколько-нибудь ясных сведений по кристаллографии – обычное в моем кругу невежество в этой области, как и во многих других, – лишает меня наслаждения постигнуть истинную структуру “Divina Commedia”, но такова удивительная стимулирующая сила Данта, что он пробудил во мне конкретный интерес к кристаллографии, и в качестве благодарного читателя – lettore – я постараюсь его удовлетворить…» (с. 228)

В приведенной таблице отражен качественный аспект представленности категории диалогичности в «Разговоре о Данте». На основании приведенных данных можно сделать вывод о том, что в мандельштамовском трактате в той или иной степени представлены средства диалогизации всех уровней (лексического, морфологического, синтаксического). Они в явной форме выражают авторскую установку на повышение диалогичности текста, подразумевают наличие адресата и призывают его к активной рецепции. Установка на диалогичность в контексте «Разговора» продиктована не только тем, что процесс решения любой научной проблемы (в случае с Мандельштамом проблема – исследование поэтики Данте) диалогичен по своей природе, но и особым вниманием поэта к роли читателя в процессе художественной коммуникации, а также ориентацией на активное читательское восприятие, свойственной тексту Данте.

По мнению Мандельштама, Данте с легкостью удается вовлекать читателя в со-исполнение. Поэт демонстрирует эффективность дантовских примов, описывая личные ощущения от восприятия текста (на уровне физиологии): «Уста работают, улыбка движет стих, умно и весело алеют губы, язык доверчиво прижимается к нёбу. Внутренний образ стиха неразлучим с бесчисленной сменой – выражений, мелькающих на лице говорящего и волнующегося сказителя. Искусство речи именно искажает наше лицо, взрывает его покой, нарушает его маску...» [10, т. 3, с. 400]. Мандельштам подчеркивает трудность освоения текста Данте посредством обращения к метафорическим моделям, содержащим указание на трудовой процесс, подразумевающий тяжелые физические нагрузки: «Все труднее и труднее становится читателю дирижировать разрастающейся песнью…» (Там же, с. 223), «Чтение Данта есть прежде всего бесконечный труд, по мере успехов отдаляющий нас от цели. Если первое чтение вызывает лишь одышку и здоровую усталость, то запасайся для последующих парой неизносимых швейцарских башмаков с гвоздями…» (Там же, с. 219). С одной стороны, текст Данте максимально открыт читателю и вовлекает его в активную рецепцию. С другой стороны, автор «Божественной комедии» сознательно создает определенные препятствия для понимания и интерпретации текста. Одним из приемов, затрудняющих восприятие, является включение в текст цитат, аллюзий, реминисценций. Заметим, что перечисленные приемы также относятся к средствам диалогизации, но не на внутритекстовом, а на межтекстовом уровне, поскольку посредством их использования обеспечивается диалогическое взаимодействие текста с другими текстами. В связи с этим можно говорить о том, что текст «Божественной комедии» наделен дидактической функцией, поскольку дешифровка авторских аллюзий и реминисценций создает условия для интеллектуального роста читателя. «Идеальный» читатель Данте, по мнению Мандельштама, – образованный и старательный читатель, способный быстро перемещаться по авторским ассоциациям (в случае с Данте ассоциативной базой является пласт античной культуры и текст Священного Писания): «Образованность – школа быстрейших ассоциаций. Ты схватываешь на лету, ты чувствителен к намекам – вот любимая похвала Данта...» [10, т. 3, с. 220].

Для получения более полных представлений об используемых Мандельштамом приемах диалогизации (как о важном элементе мандельштамовской поэтики) необходимо осуществить их количественно-статистический анализ. Детальный статистический анализ не входит в задачи настоящего исследования, отражение его результатов может быть предметом отдельной научной статьи. В настоящем исследовании предлагается ограничиться лишь общими выводами. В результате анализа выделенных фрагментов из «Разговора о Данте», содержащих диалогические языковые формы, было выявлено, что наиболее частотными среди них являются средства, направленные на привлечение внимания адресата: средства авторизации, вводящие субъект наблюдения; «мы» – формы (местоименно-глагольные формы 1-го лица ед. и мн. числа), вопросно-ответные единства, вводные конструкции и формы повелительного наклонения.

Выделенные средства исследователь М.Н. Кожина и ряд других ученых, изучающим категорию диалогичности в аспекте полевого структурирования, относят к ядерным средствам диалогизации [12; 15] (т.е. непосредственно организующим выражение диалогичности). К периферийным средствам диалогизации, в свою очередь, ученые предлагают относить те средства, которые лишь помогают экспрессивно передать воздействие, создать необходимую тональность высказывания (вводные слова информирующего типа, акцентирующие частицы, вводные слова и словосочетания логики изложения, лексику оценки исследуемых фактов, указательные местоимения и наречия, вопросительные предложения логики, восклицательные конструкции, местоименно-глагольные формы 2-го лица) [12]. С.П. Хорошилова в своей работе предлагает называть ядерные и периферийные средства диалогизации внешними и внутренними соответственно [17, с. 132]. Диалогичность научно-академического дискурса достигается главным образом за счет использования ядерных (внешних) средств диалогзации [18; 19]. Однако текст «Разговора о Данте», являющийся объектом анализа в настоящей статье, как было отмечено ранее, не является строго научным или научно-популярным. В нем наблюдаются черты, характерные как для научного, так и для художественного стиля. В подтверждение этому приведем перечень используемых Мандельштамом периферийных (внутренних) средств диалогизации, сопровождая их наиболее выразительными примерами. Поэт в «Разговоре о Данте» использует следующие внешние средства диалогизации:

- образные средства (метафора) («Задолго до Баха, и в то время, когда еще не строили больших монументальных органов <...> Алигьери построил в словесном пространстве бесконечно могучий орган и уже наслаждался всеми его мыслимыми регистрами и раздувал меха, и ревел, и ворковал во все трубы...» [10, т. 3, с. 225], «Структура дантовского монолога, построенного на органной регистровке, может быть хорошо понята при помощи аналогии – с горными породами, чистота которых нарушена вкрапленными инородными телами...» (Там же), «Вникая по мере сил в струк-

туру “Divina Commedia”, я прихожу к выводу, что вся поэма представляет собой одну, единственную, единую и недробимую строфу. Вернее, – не строфу, а кристаллографическую фигуру, то есть тело. Поэму насквозь пронзает безостановочная, формообразующая тяга. Она есть строжайшее стереометрическое тело, одно сплошное развитие кристаллографической темы...» [10, т. 3, с. 227]);

- риторические вопросы и восклицания («Птоломей вернулся с черного крыльца!.. Напрасно жгли Джордано Бруно!..» (Там же, с. 251), «Дант и фантазия – да ведь это несовместимо!.. Стыдитесь, французские романтики, несчастные incroyables’и в красных жилетах, оболгавшие Алигьери! Какая у него фантазия?..» (Там же, с. 253), «Мы – ползающие на коленях перед строчкой стиха, – что сохранили мы от этого богатства? Где восприемники его, где его ревнители? Как быть с нашей поэзией, позорно отстающей от науки?..» (Там же, с. 251), «Что первее – слушанье или дирижирование? Если дирижирование лишь подталкивание и без того катящейся музыки, то к чему оно, если оркестр и сам по себе хорош, если он безукоризненно сыгрался?..» (Там же, с. 244));

- повторы (эпифора, анафора) («Если б мы научились слышать Данта, мы бы слышали созревание кларнета и тромбона, мы бы слышали превращение виолы в скрипку и удлинение вентиля валторны. И мы были бы слушателями того, как вокруг лютни и теорбы образуется туманное ядро будущего гомофонного трехчастного оркестра. Еще если б мы слышали Данта, мы бы нечаянно окунулись в силовой поток...» (Там же, с. 221), «Немыслимо читать песни Данта, не оборачивая их к современности. Они для этого созданы. Они снаряды для уловления будущего. Они требуют комментария в Futurum...» (Там же, с. 238));

- средства модальности («Разумеется, только с большой натяжкой можно назвать развитием эту серию снарядов, конструирующихся на ходу и выпархивающих один из другого во имя сохранения цельности самого движения…» (Там же, с. 233), «О чем? Конечно, о Флоренции…» (Там же, с. 235), «Я, кажется, забыл сказать, что “Комедия” имела предпосылкой как бы гипнотический сеанс. Это верно, но, пожалуй, слишком громко…» (Там же, с. 253)).

В контексте анализа внутренних средств диалогизации в «Разговоре» важно заметить, что текст эссе отличается повышенной метафорической сгущенностью. Текст «Божественной комедии» изобилует метафорами, поэтому Мандельштам (в подражание Данте) в качестве основного инструмента анализа его поэтики избирает метафору: «На прямой вопрос, что такое дантовская метафора, я бы ответил – не знаю, потому что определить метафору можно только метафорически, – и это научно обосновываемо…» (Там же, с. 257). В тексте «Разговора» для пояснения особенностей дантовской поэтики используются аналогии, охватывающие и мир искусства (литература, музыка, живопись, скульптура и архитектура), и мир науки (лингвистика, география, кристаллография и геология, физика и химия, математика и медицина). В подражание Данте Мандельштам демонстрирует свой универсализм и энциклопедизм: «Все полезные сведенья энциклопедического характера оказываются сообщенными уже в начальных стихах песни…» [10, т. 3, с. 223]. Приведем один из наиболее выразительных примеров использования метафоры в инструментально-объяснительной функции: «Образное мышление у Данта, так же как во всякой истинной поэзии, осуществляется при помощи свойства поэтической материи, которое я предлагаю назвать обращаемостью или обратимостью. Развитие образа только условно может быть названо развитием. И в самом деле, представьте себе самолет, – отвлекаясь от технической невозможности, – который на полном ходу конструирует и спускает другую машину. Эта летательная машина так же точно, будучи поглощена собственным ходом, все же успевает собрать и выпустить еще третью...» (Там же, с. 233). В данном примере для иллюстрации механизма работы образного мышления Данте поэт использует выразительную аналогию с летательными машинами. В сущности, описанным свойством кумулятивности обладает и мандельштамовский текст – текст «Разговора о Данте».

Анализ внешних и внутренних средств диалогизации в «Разговоре о Данте» О.Э. Мандельштама позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, по мнению Мандельштама, способность вовлекать читателя в творческий диалог с автором в процессе восприятия художественного произведения является одной из ключевых черт поэтики Данте. В «Разговоре» Мандельштам не только анализирует поэтические приемы Данте, но и использует их в собственной творческой практике (включает непосредственно в текст эссе), что в очередной раз подтверждает гипотезу ученых о единстве его теоретического и поэтического мышления. Собственные художественно-эстетические принципы Мандельштама, сформулированные в ранних критических статьях, и поэтические принципы Данте сосредоточены вокруг коммуникативной природы художественного творчества. В «Разговоре» мысль о диалогической природе эстетического переживания нашла наиболее отчетливое воплощение. Мандельштам активно использует в своем эссе и средства внешней (средства авторизации, «мы» – формы, обращения, вопросно-ответные единства, вводные конструкции, формы повелительного наклонения), и средства внутренней (образные средства (метафора), риторические формы: риторические вопросы и восклицания, повтор (эпифора, анафора), средства модальности) диалогизации речи. Главная цель поэта при написании «Разговора» – показать вечно живого и вечно современного Данте и подчеркнуть, что секрет его живости и современности – в искусном владении поэтическим языком, имеющим вневременную и внеисторическую (абсолютную) ценность. Нам удалось выяснить, что языковые средства диалогизации речи, которыми пользуется Мандельштам, успешно справляются с поставленной задачей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баткин, Л. М. Данте в восприятии Мандельштама / Л. М. Баткин // Баткин Л. М. Пристрастия. Избранные эссе и статьи о культуре. – Москва : Курсив-А, 1994. – С. 123–128.

2. Глазова, Е. Подсказано Дантом. О поэтике и поэзии Осипа Мандельштама / Е. Глазова, М. Глазова. – Киев : Дух и литера, 2012. – 724 с.

3. Евпраксина, М. Д. Художественный дискурс и его интерпретация в современной лингвистике / М. Д. Евпраксина // Вестник науки. – 2024. – № 6 (75). – С. 1118–1123. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyy-diskurs-i-ego-interpretatsiya-v-sovremennoy-lingvistike (дата обращения: 28.01.2025). – Текст : электронный.

4. Илюшин, А. А. Данте и Петрарка в интерпретациях Мандельштама / А. А. Илюшин // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама: Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. – Воронеж : Воронежский университет, 1990. – С. 367–382.

5. Калмыкова, В. В. Осип Мандельштам как автор ненаписанной «Поэтики» / В. В. Калмыкова // Филологические науки (Научные доклады высшей школы). – 2022. – № 5. – С. 61–72.

6. Кихней, Л. Г. Осип Мандельштам: философия слова и поэтическая семантика / Л. Г. Кихней, Е. В. Меркель. – Москва : Флинта : Наука, 2013. – 200 с.

7. Ланда, К. С. «Божественная комедия» в зеркалах русских переводов: К истории рецепции дантовского творчества в России / К. С. Ланда. – Санкт-Петербург : РХГА, 2020. – 644 с.

8. Ланда, К. С. Мотив детства в «Разговоре о Данте» Осипа Мандельштама / К. С. Ланда // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2020. – Т. 21, вып. 2. – С. 289–305.

9. Левин, Ю. И. Заметки к «Разговору о Данте» / Ю. И. Левин // Избранные труды. Поэтика. Семиотика / Ю. И. Левин. – Москва : Языки русской культуры, 1998. – С. 142–153.

10. Мандельштам, О. Э. Собрание сочинений : в 4 томах / О. Э. Мандельштам. – Москва : Арт-Бизнес-Центр, 1993–1999.

11. Мартьянова, И. А. «Точеный мускул самой сути»: научно-популярное изложение / И. А. Мартьянова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2022. – № 204. – С. 194–199. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tochenyy-muskul-samoy-suti-nauchno-populyarnoe-izlozhenie (дата обращения: 28.01.2025). – Текст : электронный.

12. Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. [В 3 томах]. Том 2. Стилистика научного текста: (общие параметры). Часть 2. Категории научного текста: функционально-стилистический аспект / под редакцией профессора М. Н. Кожиной. – Пермь : Издательство Пермского университета,1998. – 395 с.

13. Панова, Л. Г. Данте Алигьери / Л. Г. Панова // Мандельштамовская энциклопедия : в 2 томах / под редакцией П. Нерлера, О. Лекманова. – Москва : Политическая энциклопедия, 2017. – Т. 1. – С. 213–220.

14. Садовникова, Е. В. Грамматические средства взаимодействия автора и читателя в немецкоязычном письменном научном дискурсе / Е. В. Садовникова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2022. – № 3 (858). – С. 83–89. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/grammaticheskie-sredstva-vzaimodeystviya-avtorai-chitatelya-v-nemetskoyazychnom-pismennom-nauchnom-diskurse (дата обращения: 28.01.2025). – Текст : электронный.

15. Сулейманова, О. А. Личность Другого в академическом дискурсе / О. А. Сулейманова, И. В. Тивьяева // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2022. – № 8–2. – С. 207–223.

16. Успенский, Б. А. Анатомия метафоры у Мандельштама / Б. А. Успенский // Успенский Б. А. Избранные труды, том II. Язык и культура. – Москва : Гнозис, 1994. – С. 246–275.

17. Хорошилова, С. П. Диалогизация процесса речевого воздействия на аудитории / С. П. Хорошилова // Международный журнал экспериментального образования. – 2010. – № 11. – С. 131–133.

18. Хутыз, И. П. Средства диалогизации академического дискурса на русском и английском языках / И. П. Хутыз // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2020. – № 59. – С. 41–55.

19. Чекмаева, Н. А. Динамика диалогического пространства говорящего в академическом дискурсе / Н. А. Чекмаева // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2022. – № 1(45). – С. 150–155.

20. Landa, K. Dante Canonized and Discarded. Some Remarks on the Reception of the Divina Commedia in the Stalin Era / K. Landa // Studi Slavistici. – 2021. – Vol. 18, № 1. – P. 147–173.

A.A. Golubeva

MEANS OF DIALOGIZATION IN O.E. MANDELSHTAM'S ESSAY “A CONVERSATION ABOUT DANTE”

The article studies the means of dialogization in the text of the literary-critical essay by O.E. Mandelstam “A Conversation about Dante”. The study is carried out in line with the communicative-stylistic approach to the analysis of a literary text.

O.E. Mandelstam, means of dialogization, dialogization of speech, communicative stylistics, dialogue, communicative nature of literature.